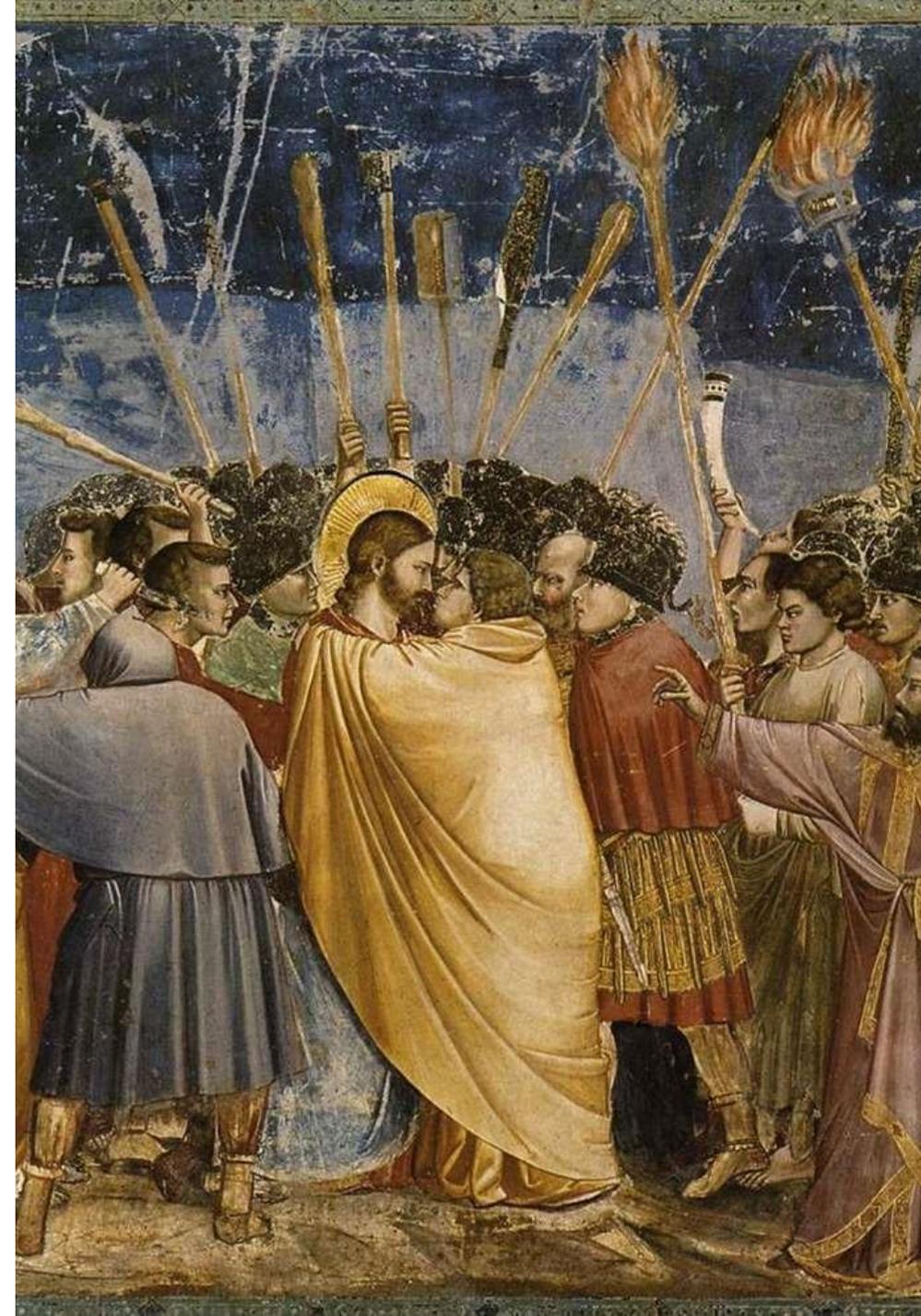

Два Иуды: Евангелие и литература Серебряного века

- В 1907 г. выходит повесть Леонида Андреева "Иуда Искариот", в которой евангельское повествование становится не более чем рабочим материалом для ее автора
- В 1923 г., арестованный большевиками киевский священник, о. Анатолий Жураковский, пишет в ссылке эссе "Иуда" давая в нем скрытый ответ

Служитель
словесности
и служитель
Слова

ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СУНОДѢ.

№ 8

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ПРИБАВЛЕНИЯМИ.

№ 8

Опредѣленіе СвятѢйшаго Синода,

отъ 20 — 22 февраля 1901 года № 557, съ посланіемъ вѣрнымъ чадамъ
Православныя Грекороссійскія Церкви о графѣ Львѣ Толстомъ.

СвятѢйшій Синодъ, въ своемъ попеченіи о чадахъ Православной Церкви, объ охраненіи ихъ отъ губительнаго соблазна и о спасеніи заблуждающихся, имѣвъ сужденіе о графѣ Львѣ Толстомъ и его противохристіанскомъ и противоцерковномъ лжеученіи, признавъ благовременнымъ, въ предупрежденіе нарушенія мира церковнаго, обнародовать, чрезъ напечатаніе въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», нижеслѣдующее свое посланіе:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

СвятѢйшій Всероссійскій Синодъ вѣрнымъ чадамъ Православныя
Каеолвческія Грекороссійскія Церкви

о Господѣ радоватися.

«Молимъ вы, братіе, блюдитесь отъ творящихъ распри и раздоры, кромѣ ученія, еможе вы научитесь, и уклонитесь отъ нихъ» (Римл. 16, 17).

Изначала Церковь Христова терпѣла хулы и нападенія отъ многочисленныхъ еретиковъ и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать въ существенныхъ ея основаніяхъ, утвер-

20–22 февраля 1901 –
определение Синода об
отлучении Л. Н.
Толстого от Церкви

Религиозно-философские собрания и общества

РФС 1901–1903 гг.

- Идея: миссия/обновление Церкви
- Заседания:
 - 1-2. Об отношении Церкви к интеллигенции
 - 3-4. О Льве Толстом и его отношениях с РПЦ
 - 5-6. Церковь и власть
 - 7-9. О свободе совести
 - 10-11. О духе и плоти
 - 12-16. О браке
 - 17-21. О догматическом развитии
 - 22. «О священстве»

В.В. Розанов

«Но Гоголь инкрустациею не входит в Евангелие; любовь, влюбление не инкрустируются туда. И Евангелие вообще не раздвигается для мира, не принимает его в себя. Мир – за переплетом небесной книги. И с него сходит румянец, он бледнеет, как только приближается к этому переплету»

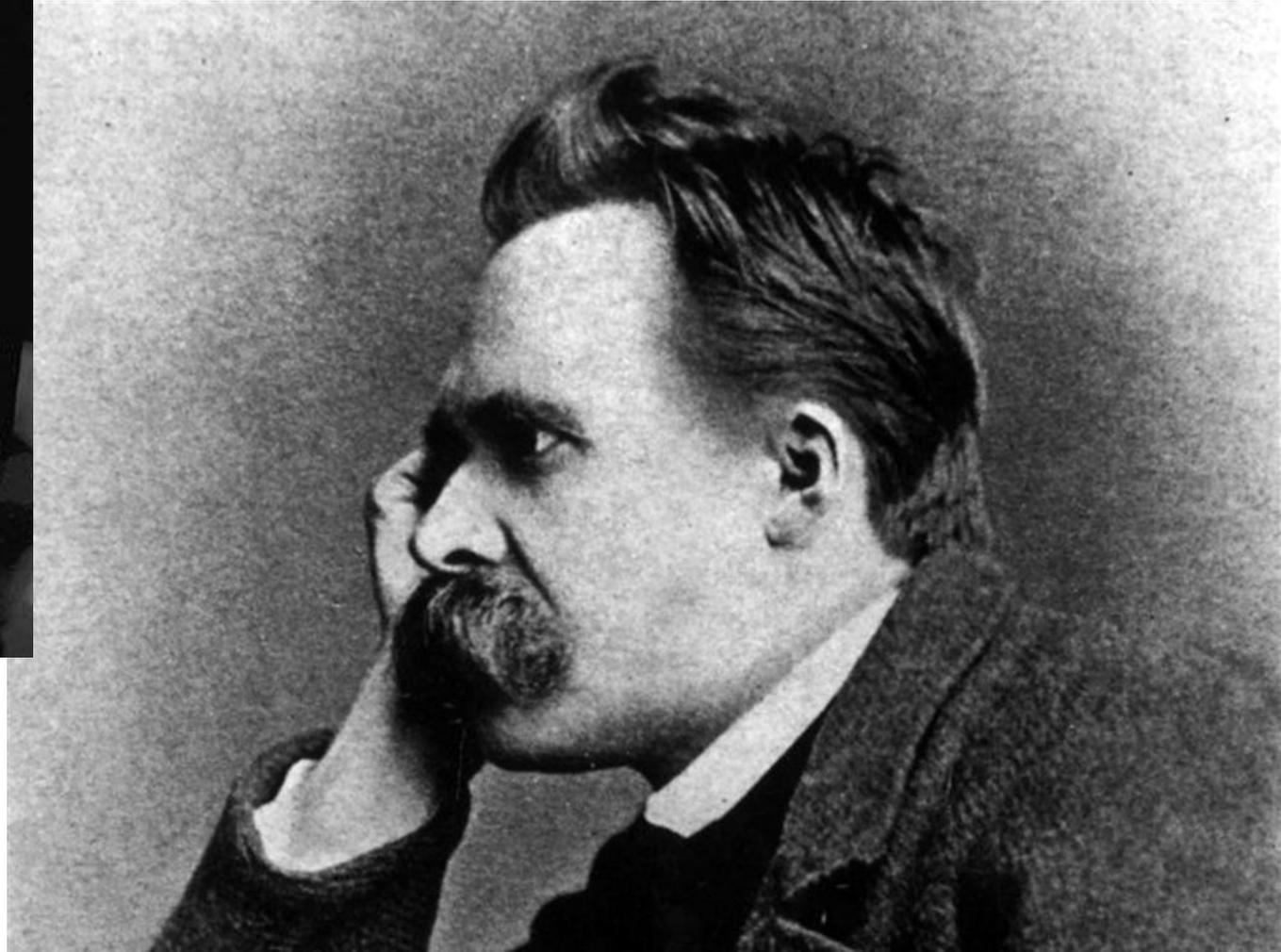
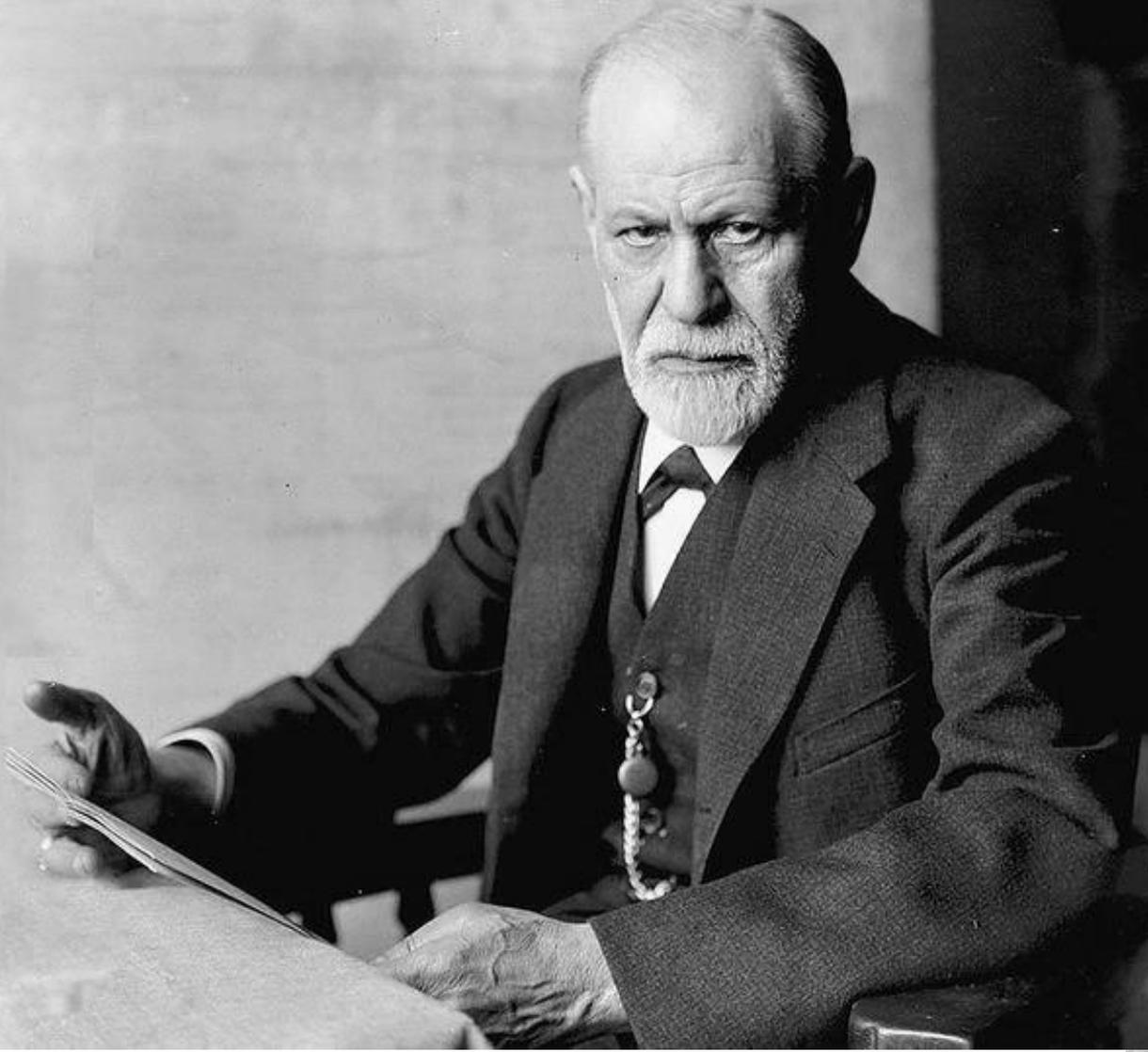

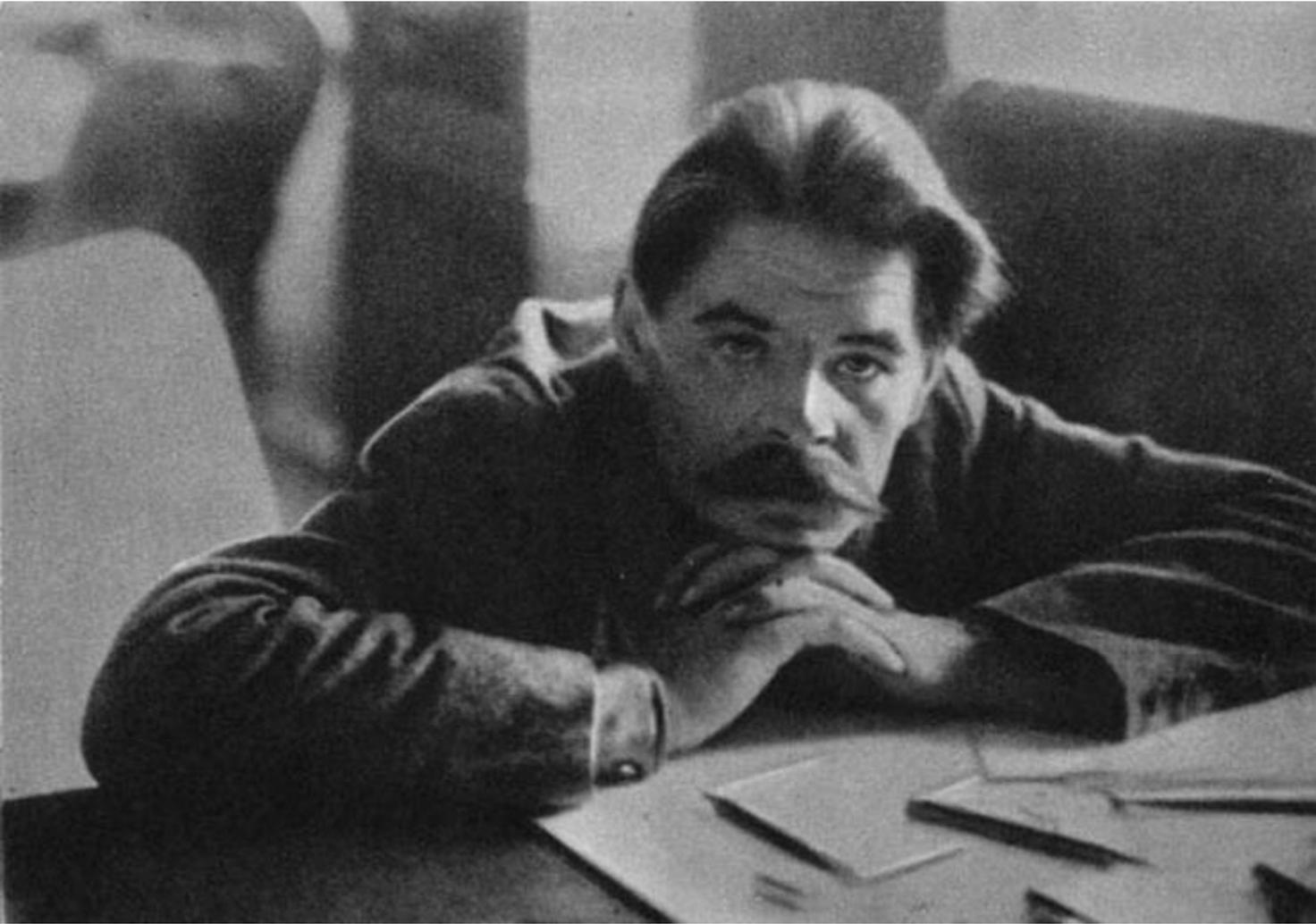
«По негодованию духовных лиц мы увидели бы, что они любят, и бросились бы анализировать это любимое, рассматривать, может быть, любить. "Христианство есть гроб и смерть", -- говорят им. -- "Ну, что вы, отнюдь нет, -- отвечают они, -- сочувствуем всякой радости". -- "Тогда пойдите в театр, но хоть на Бориса Годунова -- произведение патриотическое, или на Жизнь за царя, кажется, чего выше". Пропуская молчанием Годунова и Глинку, они говорят: "Театр недостаточно серьезен". "Тогда пойдите в оперу". -- "Не можем, низко". Но дело не в том, что низко, а в том, что весело. Вот ничего веселого и счастливого их "устав" им не позволяет. Веселое и счастливое -- отрицание смерти, забвение гроба. Семья, искусства -- украшения жизни. И гроб иногда украшается позументами, серебряными ручками. Вот хорошие панцифты окопо

«Иисус действительно прекраснее всего в мире и даже самого мира. Когда Он появился, то как солнце -- затмил Собою звезды. Звезды нужны в ночи. Звезды -- это искусства, науки, семья. Нельзя оспорить, что начертанный в Евангелиях Лик Христа -- так, как мы Его приняли, так, как мы о Нем прочитали, -- "слаще", привлекательнее и семьи, и царств, и власти, и богатства. Гоголь -- солома пред главой из евангелиста. Таким образом, во Христе -- если и смерть, то сладкая смерть, смерть-истомы. Отшельники, конечно, знают свои сладости. Они томительно умирают, отрекаясь от всякого мира. Перейдем к мировым явлениям. С рождением Христа, с воссиянием Евангелия все плоды земные вдруг стали горьки. Во Христе прогорк мир, и именно от Его сладости. Как только вы вкусите сладчайшего, неслыханного, подлинно небесного -- так вы потеряли вкус к обыкновенному хлебу. Кто же после ананасов схватится за картофель. Это есть свойство вообще идеализма, идеального, могущественного. Великая красота делает нас безвкусными к обыкновенному. Все "обыкновенно" сравнительно с Иисусом. Не только Гоголь, но и литература вообще, науки вообще. Даже более: мир вообще и весь, хоть очень загадочен, очень интересен, но именно в смысле сладости -- уступает Иисусу. И когда необыкновенная Его красота, прямо небесная, просияла, озарила мир -- сознательнейшее мировое существо, человек, потерял вкус к окружающему его миру. Просто мир стал для него горек, плоск, скучен»

«Андреев жил на Каменноостровском, в доме страшно мрачном, в котором, я знал, есть передвижные переборки у комнат. Я помню хлещущий осенний ливень, мокрую ночь. Огромная комната - угловая, с фонарем, и окна этого фонаря расположены в направлении островов и Финляндии. Подойдешь к окну, - и убегают фонари Каменноостровского цепью в мокрую даль. ...

Знаю о нем хорошо одно, что главный Леонид Андреев, который жил в писателе Леониде Николаевиче, был бесконечно одинок, не признан и всегда обращен лицом в провал черного окна, которое выходит в сторону островов и Финляндии, в сырую ночь, в осенний ливень, который мы с ним любили одной любовью. В такое окно и прищипа к нему последняя гостья в черной

ИУДА ИСКАРИОТ И ДРУГИЕ

«С лязгом, скрипом,
визгом опускается над
Русской Историей
железный занавес.
Представление
закончилось. Публика
встала. Пора одевать
шубы и возвращаться
домой. Оглянулись. Но ни
шуб, ни домов не
оказалось»

Любимый близко. Здесь.
Премудрость. Вонмем

